

Аурика Квин

Пока носишь моё кольцо

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аурика Квин

Пока носишь моё кольцо

«Автор»

2026

Квин А.

Пока носишь моё кольцо / А. Квин — «Автор», 2026

Она должна была стать лишь красивым трофеем в его ледяных руках - разменной монетой в жестокой игре римских кланов. Он - человек без жалости и страха, привыкший подчинять и диктовать условия. Их брак задумывался как холодный контракт, но превратился в опасный поединок, где с каждым днем всё труднее понять, кто здесь заложник, а кто - истинный хозяин. Когда рушатся все правила мафиозного мира, у них остается только одно: одержимость друг другом, способная либо спасти их, либо выжечь дотла.- О чем ты думаешь, Альба? - негромко спросил он, прижимая меня спиной к своей мокрой, горячей груди.- О том, что мой старый мир сожжен, - честно ответила я, откидывая голову назад. - У меня остался только этот пентхаус. И ты.Его руки сильнее сжались вокруг моего живота, и голос завибрировал у меня в позвоночнике.- Этого достаточно, Альба Торре. У тебя есть мое имя. Мое оружие. И вся моя жизнь, до последнего патрона».

© Квин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	25
Глава 10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Аурика Квин

Пока носишь моё кольцо

Глава 1

Римское солнце за окном казалось липким, удушающим и бесконечно чужим. Я ненавидела этот город. Ненавидела этот выжженный, пропитанный вековой спесью воздух, пахнущий нагретым камнем, дорогим парфюмом и застарелым страхом. Больше Рима я ненавидела только саму Италию – страну, которая за фасадом из открыточных палаццо и лазурного побережья прятала грязные, сочащиеся кровью щупальца теневых синдикатов. Каждая мощеная улица здесь была оплачена чьим-то молчанием. Каждая олива на юге росла на костях тех, кто посмел сказать "нет".

Но сегодня был хороший день. Сегодня Лоренцо Риччи лежал в цинковом гробу под тремя метрами сицилийской земли, и черви уже наверняка заканчивали жрать его ледяное, безжалостное сердце.

Я сидела в глубоком кожаном кресле нотариальной конторы на площади Колонна, закинув ногу на ногу, и лениво рассматривала свои туфли. На мне было простое черное платье из плотного хлопка – никакого траурного шелка, никаких кружевных вуалей. Я не собиралась подыгрывать этому спектаклю. Мой отец умер от разрыва аорты в своем кабинете, окруженный охраной и шлюхами, и единственное чувство, которое я испытала, узнав об этом – легкий укол чистого, незамутненного облегчения.

Наконец-то эта опухоль ампутирована. Наконец-то я заберу то, что положено мне по закону, подпишу финальные чеки для своего архитектурного бюро во Флоренции, закрою этот проклятый долг перед подрядчиками и улечу в Штаты первым же рейсом. Грязные деньги Лоренцо Риччи впервые в истории послужат чему-то чистому – моему будущему, в котором не будет запаха пороха и отцовского контроля.

– Синьорина Риччи, я прошу вашего внимания, – глухой, дребезжащий голос старого нотариуса синьора Альберти заставил меня перевести взгляд на массивный дубовый стол.

Он дрожащими пальцами вскрывал плотный конверт из сургуча. Сургуч ломался с сухим, неприятным хрустом.

Я едва заметно ухмыльнулась, чувствуя, как внутри расправляется жесткая отцовская пружина.

Моя внешность всегда была моим проклятием: в зеркале я видела те же шелковистые темные волосы, те же колючие, большие карие глаза и густые брови, что и у человека, державшего в страхе половину портов Неаполя. Природа поиздевалась надо мной, наградив телом породистой итальянки — невысоким, с тяжелыми бедрами и тонкой талией, которая всегда привлекала слишком много ненужного внимания, но залив внутрь характер из чистого вольфрама. Я не была жертвой. Я была Риччи. И я пришла забрать свои трофеи.

Дверь за моей спиной открылась без стука.

Воздух в комнате мгновенно стал густым, тяжелым, будто в помещении упало атмосферное давление. Я не оборачивалась, но моя кожа, покрывшаяся мелкими мурашками, среагировала раньше мыслей. По шагам – тяжелым, размеренным, заставляющим старый паркет едва слышно подвывать, я поняла, кто вошел.

Матео Торре.

Цепной пес моего отца. Человек, которого Лоренцо подобрал в трущобах Палермо пятнадцать лет назад, вытравил из него остатки человечности и превратил в безупречного палача, а затем – в своего официального преемника.

Он прошел мимо моего кресла, даже не взглянув в мою сторону, и сел за стол напротив. Пространство кабинета сразу сузилось. Матео был огромным. Его плечи, обтянутые безупречно скроенным, но явно тесным в груди черным пиджаком, казались монументальными. Он расстегнул верхнюю пуговицу белой рубашки, обнажая темную полосу татуировки, выползающей из-под ворона прямо на массивную шею. Шрам, рассекающий его левую бровь и уходящий к виску, побелел. На его костяшках, огромны и потемневших, виднелись свежие, едва затянувшиеся ссадины. Из порта сегодня приехал. Отмывал чужую кровь перед встречей.

От него пахло табачным дымом и ледяной яростью. Упрямый, brutальный кусок скалы, привыкший, что перед ним открываются все двери просто потому, что никто не хочет проверять, сколько патронов осталось в его магазине.

– Приступайте, Альберти, – процедил Матео.

Его голос был низким, хриплым, прокуренным до самого основания, и в нем звенела привычка отдавать короткие, не обсуждаемые приказы.

Нотариус сглотнул, расправляя плотный лист пергамента.

– Согласно воле покойного Лоренцо Риччи... – старик запнулся, переведя испуганный взгляд с меня на Матео. – Весь легальный капитал, недвижимость во Флоренции, а также строительные активы холдинга Ricci-International оцениваются в сорок два миллиона евро.

Я откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. Отлично. Сорок два миллиона. Этого хватит, чтобы выкупить землю под мой проект, закрыть рты всем кредиторам и больше никогда не думать о работе.

– Однако, – Альберти дрожащим пальцем повел по строчке. – Выдача данных средств синьорине Альбе Риччи заблокирована целевым трастом до выполнения обязательного условия.

Внутри меня что-то резко оборвалось. Стерильная тишина кабинета взорвалась моим собственным участвующим пульсом.

– Какого условия? – мой голос прозвучал как удар хлыста – сухо, колко, без единой лишней ноты.

Матео медленно повернул ко мне голову. Его серые, как балтийский лед, глаза сузились. Он смотрел на меня так, будто я была мелкой помехой на его пути к абсолютному трону, упрямой девчонкой, которую случайно занесло во взрослый мир. На его губах заиграла едва заметная, жесткая ухмылка. Он знал. Этот улюлюкание всё знал заранее.

– Для сохранения легитимности структуры и предотвращения раскола клана, – зачитал нотариус, и его голос окончательно упал до шепота, – синьорина Альба Риччи и синьор Матео Торре обязаны вступить в законный брак. Брачный контракт подразумевает совместное проживание в резиденции Торре в Риме в течение шести месяцев. В случае отказа одной из сторон или нарушения режима совместного проживания... все легальные и нелегальные активы переходят в пользу благотворительного фонда Ватикана. Выплаты синьорине Альбе аннулируются.

Бумага в руках нотариуса зашелестела.

Я замерла, чувствуя, как к горлу подступает горячая, удушающая волна ярости. Старик-отец умудрился достать меня даже из могилы. Он знал, что я ненавижу его мир, знал, что мне нужны деньги, чтобы спасти свою независимость, и он связал меня по рукам и ногам, бросив в клетку к своему главному хищнику.

Я медленно поднялась с кресла. Несмотря на мой невысокий рост, я смотрела на Матео сверху вниз, опершись ладонями о край стола. Мои пальцы побелели от напряжения.

– Это шутка? – выплюнула я прямо в его шрамированное лицо. – Ты думаешь, я подпишу это? Я скорее сожгу этот город, чем позволю тебе или моему мертвому отцу диктовать, с кем мне жить.

Матео не шелохнулся. Он медленно встал. Его двухметровая фигура мгновенно заслонила свет из окна, отбрасывая на меня тяжелую, плотную тень. Он сделал шаг вперед, сокра-

щая дистанцию до минимума. Я почувствовала жар, исходящий от его тела, тяжелый запах его табака и кожи.

Он наклонился ко мне так близко, что его щетина едва не коснулась моей щеки. Его огромная рука с татуированными пальцами легла на стол рядом с моей, и я увидела, насколько его ладонь массивнее моей. Ему ничего не стоило сломать мне запястье. Одним движением.

– Ты подпишешь, Альба, – тихо, сквозь зубы прорычал он, и его горячее дыхание обожгло мою кожу. – Потому что без этих денег твоя маленькая архитектурная сказка во Флоренции пойдет с молотка через две недели. Твои кредиторы не ждут. Тебе нужна эта грязь. А мне нужна легитимность перед советом кланов.

Он протянул руку и резко, с силой взял меня за подбородок. Его пальцы были жесткими, как тиски, мозолистые подушечки вдавились в мою кожу, заставляя меня поднять голову и смотреть прямо в его холодные, пустые глаза. Это было больно. Грубо. Демонстративно.

– Мы проживем эти полгода под одной крышей. Ты будешь носить мое кольцо и подыгрывать мне на приемах. А через шесть месяцев заберешь свои миллионы и укачишь на все четыре стороны. Но сейчас – ты заходишь в мою клетку, маленькая Риччи. И играть мы будем по моим правилам.

Я дернула головой, вырывая подбородок из его хватки, и впилась ногтями в собственные ладони, чтобы не ударить его по лицу. Кожа в месте его прикосновения горела. Мой взгляд столкнулся с его серыми глазами, и между нами заискрило то самое порочное, опасное напряжение, которое ни один из нас не мог контролировать.

Я ненавидела его. Я ненавидела эту страну. Но больше всего я ненавидела то, что он был чертовски прав.

– Ручку, – процедила я, протягивая руку к нотариусу, не сводя колючего, обещающего скорую расправу взгляда с тяжелого лица Матео. – Давай сюда этот гребанный контракт.

Глава 2

Римский пентхаус Матео Торре был идеальным воплощением его самого: монументальный, грубый, лишенный хоть какого-то намека на уют. Верхний этаж глухого бетонного куба в элитном квартале Прати, где вместо стен – пуленепробиваемое стекло, за которым задышался в вечернем смоге Вечный город. Здесь пахло свежей строительной пылью, дорогой кожей интерьера и едва уловимым, едким шлейфом оружейного масла. Пространство, созданное не для жизни, а для обороны.

Я стояла посреди огромной гостиной, скрестив руки на груди, и носком туфли лениво ковыряла стык между плитами из темного, почти черного базальта.

– Твоя комната в конце коридора, направо, – бросил Матео, не глядя на меня.

Он сбросил пиджак прямо на спинку минималистичного дивана, оставшись в одной белой рубашке с завернутыми до локтей рукавами. Его предплечья, густо забитые чернилами сакральных сицилийских узоров, казались еще массивнее в тусклом свете дизайнерских ламп. На левом локте белел рваный шрам – след от давнего арматурного штыря. Матео подошел к барной стойке, высеченной из цельного куска гранита, и плеснул себе на два пальца темного бурбона. Лёд в стакане звякнул с сухим, металлическим звуком.

– Мои вещи уже там? – я даже не повернулась к нему.

Мой голос звучал плоско, как отполированное стекло.

– Твои коробки привезли два часа назад. Мои парни проверили каждую на предмет жучков и камер. Привыкай, Альба. В этом доме паранойя – это залог того, что ты проснешься живой.

Я обернулась, и на моих губах появилась колючая, чисто отцовская ухмылка.

– Твои парни копались в моем белье, Торре? Надеюсь, их эстетический вкус не сильно пострадал от обилия черного хлопка.

Матео замер со стаканом у губ. Его серые глаза, холодные и неподвижные, как дождевые лужи, медленно просканировали мою фигуру сверху вниз. В этом взгляде не было ни капли мужского интереса, ни тепла, ни даже злости. Полное, леденящее равнодушие, с которым мясник оценивает тушу на крюке. Я знала, как выгляжу со стороны: невысокая, плотная, с тяжелыми бедрами, которые сейчас туго обтягивало черное платье, и упрямо вздернутым подбородком. Во мне не было изящества тех светских девушек, которых он привык покупать на ночь.

Во мне текла кровь Лоренцо Риччи – человека, который научил этого зверя подчиняться. И Матео это не заводило. Это его утомляло. Для него я была просто досадной юридической деталью, юридическим обязательством, которое нужно перетерпеть ради абсолютного трона.

– Не паясничай, – процедил он сквозь зубы, делая глоток. – Мне плевать на твои шмотки. Но если я найду в твоих вещах хоть один диктофон для финансовой гвардии, я забуду, чья ты дочь. Нам сидеть здесь шесть месяцев. Сделай так, чтобы я замечал тебя как можно реже. Не путайся под ногами.

– Взаимное желание, Торре, – хлестко бросила я его уличную кличку и, резко повернувшись, пошла по коридору.

Моя комната оказалась такой же стерильной. Широкая кровать с серым бельем, панорамное окно с видом на подсвеченный купол собора Святого Петра и тридцать моих картонных коробок, составленных идеальной пирамидой в углу.

Я заперла дверь на защелку – глупая, иллюзорная защита от двухметрового вышибалы, который мог выбить эту древесину одним ударом плеча, и наконец-то выдохнула. Корсет платья давил на ребра, мешая дышать. Я потянулась к затылку, дернула шпильки, и тяжелая, жесткая волна каштановых волос рассыпалась по плечам. В зеркале на меня смотрело лицо моего

личного ада. Тонкий нос с едва заметной горбинкой, хищные скулы, темные круги под карими глазами от хронического недосыпа. Лицо Лоренцо.

Я закрыла глаза, упираясь лбом в холодное зеркальное стекло.

Италия была для меня склепом. С самого детства, когда меня возили в бронированном лимузине в закрытую школу в Швейцарии, я знала, чем пахнут деньги нашей семьи. Они пахли не духами из бутиков на Виа Кондотти. Они пахли сыростью неаполитанских домов, гниющим мусором, который отцовский синдикат закапывал на нелегальных полигонах Кампании, и жженым пластиком. Я помню, как в двенадцать лет случайно зашла в кабинет отца в Палермо и увидела на полу бурые пятна, которые горничная судорожно затирала отбеливателем. Отец тогда даже не прервал телефонный разговор – просто махнул мне рукой, приказывая выйти.

Я поклялась, что никогда не прикаснусь к этой грязи. В восемнадцать лет я уехала во Флоренцию, поступила на архитектурный и буквально выгрызала свою независимость. Архитектура стала моей религией. В ней была логика, чистота и жесткие правила, в которых не было места человеческой подлости. Если ты правильно рассчитал несущую нагрузку бетона – здание будет стоять. Оно не предаст тебя. Оно не пустит пулю в затылок твоему партнеру.

Три года назад я открыла собственное бюро «Alba-Studio». Я жила в крошечной мансарде, пила дешевый кофе, но была свободна. Пока не связалась с проектом реставрации старого заброшенного вокзала Леопольда.

Это должна была быть моя визитная карточка – культурный центр из стекла и ржавой стали посреди старой Флоренции. Но я была слишком наивной. Подрядчики, связанные с местными чиновниками, украли половину бюджета, подделали акты приемки, а когда конструкции дали трещину, всю вину юридически переложили на мое бюро.

Кредиторы выставили счет: четыре миллиона евро неустойки. Суды, арест счетов, угроза позорного закрытия всего, что я создавала по кирпичику. Мой идеальный мир рушился. И именно в этот день Лоренцо Риччи решил сдохнуть, оставив мне сорок два миллиона легальных евро под залог моей свободы. Какая ирония. Чтобы спасти свою чистую архитектурную мечту, мне пришлось вернуться в самое грязное болото и лечь под отцовского ликвидатора.

Я подошла к одной из коробок, сорвала скотч и достала тяжелый тубус с чертежами. Это был мой допинг. Мой единственный способ не сойти с ума в этой клетке. Расстелив огромный лист ватмана прямо на полу, я легла на живот, подперев подбородок ладонями, и впилась взглядом в тонкие линии туши. Вокзал Леопольда. Мой недостроенный бетонный бог.

Прошел час, может, два. Ночная тишина пентхауса прерывалась лишь тихим шуршанием моего карандаша – я пересчитывала шаг стропильных линий купола, пытаюсь найти ошибку в расчетах воров-подрядчиков.

Щелчок защелки заставил меня вздрогнуть.

Я не услышала шагов. Матео двигался пугающе бесшумно для своих габаритов. Дверь открылась, и его массивная фигура заполнила проем. Рубашка на нем была расстегнута уже до середины груди, открывая плотный ковер черных волос и шрам, наискось пересекающий грудину. стакан с бурбоном был пуст, но рука Торре по-прежнему сжимала толстое стекло.

– Я же сказала, что заперлась, – я не поднялась с пола, лишь повернула к нему голову, сжав карандаш так, что грифель хрустнул.

– В моем доме нет замков, которые я не могу открыть, Альба, – равнодушно бросил он, даже не глядя на меня.

Его взгляд блуждал по стенам, оценивая безопасность комнаты.

– У меня есть правило: я проверяю свой периметр перед сном. Окна на защелках, шторы закрыты. Мне не нужен снайпер на соседней крыше.

Он сделал шаг внутрь комнаты. Его тяжелый армейский ботинок наступил на самый край моего ватмана. Лист жалобно хрустнул.

– Убери ногу, – процедила я сквозь зубы. – Ты топчешь то, что твои грязные руки никогда не смогут построить.

Матео остановился. Он медленно опустил взгляд на чертеж под своим ботинком. Никакого раскаяния или смущения. Наоборот, он с холодным, упрямым превосходством наступил на ватман еще сильнее, сминая плотную бумагу подошвой. Он просто демонстрировал, кто здесь хозяин территории.

– Чертежи? – он коротко и сухо усмехнулся. – Думаешь, если расчертишь бумагу ровными линиями, то сможешь отгородиться от того, кто ты есть? Твой отец строил этот город на шантаже и трупах, а ты пытаешься обернуть это в красивое стекло. Заканчивай с этой херней и ложись спать. Завтра в десять приедут юристы подписывать бумаги для прессы. Ты должна выглядеть как послушная жена, а не как загнанная крыса.

Я резко вскочила на ноги. С моим ростом я едва доставала ему до груди, но я шагнула к нему вплотную, чувствуя, как адреналин ударил в виски. От него пахло горьким табаком, торфом и той первобытной угрозой, перед которой пасовали его враги.

– Ты ничего не знаешь обо мне, Торре, – выплюнула я ему в подбородок. – Для тебя мир делится на тех, кого можно купить, и тех, кого нужно сломать. Мой отец вырастил из тебя идеального пса, но у тебя забыли отрастить мозги. Эти деньги – мои по праву. Я заберу их и отмою до последнего цента, построив то, что переживет твоего дохлого босса и тебя.

Матео резко сделал шаг вперед. Скорость его движения была пугающей. Его огромная ладонь взметнулась вверх, и жесткие, как тиски, пальцы грубо перехватили мои запястья, сдавливая кости. Он с легкостью толкнул меня назад, пока моя спина не врезалась в холодное стекло панорамного окна. Рим за моей спиной качнулся огнями неона.

– Пусти! – крикнула я, пытаюсь вырвать руки, но его хватка была железной.

– Послушай меня сюда, девочка, – Матео наклонился, его лицо оказалось напротив моего, но его взгляд оставался абсолютно ледяным, пустым, лишенным малейшего намека на человеческое тепло или страсть. – Мне глубоко плевать на твои вокзалы, твою гордость и тебя саму. Ты для меня – юридический геморрой, который я обязан терпеть шесть месяцев. Но если совет кланов увидит, что ты воротишь от меня нос, у нас обоих будут неприятности. И поверь мне, я решу их быстрее, если тебя просто не станет.

Он сжал мои запястья еще сильнее, заставляя меня поморщиться от острой боли, и притянул их к моей груди, фиксируя меня на месте.

– Ты будешь сидеть тихо. Ты будешь носить мое кольцо. И ты будешь делать то, что я скажу, когда мы выходим на публику, – его прокуренный голос вибрировал от упрямой, жесткой силы. – А здесь, за закрытыми дверями, можешь ненавидеть меня сколько угодно. Мне насрать.

Он резко разжал пальцы, буквально отшвыривая мои руки. Я едва удержала равновесие, упершись ладонями в стекло. Матео брезгливо вытер руку о штанину своего черного костюма, будто прикосновение ко мне испачкало его, развернулся и пошел к выходу.

– Дверь не запирай, – бросил он через плечо, даже не оборачиваясь. – Мои люди должны иметь доступ в комнату в любой момент, если начнется шторм. Твоя гордость никого не волнует.

Он вышел, громко хлопнув дверью.

Я медленно сползла по стеклу на пол, тяжело дыша и потирая покрасневшие, ноющие запястья. На ватмане, прямо поверх моего идеального чертежа вокзала, остался грязный, грубый след от его тяжелого ботинка.

Глава 3

Римское утро ворвалось в комнату без предупреждения, полоснув по глазам жестким, белым светом сквозь панорамное стекло. Я проснулась от глухого, вибрирующего гула – где-то внизу город уже задыхался в утренних пробках.

Я лежала неподвижно несколько минут, уставившись в потолок. Тело ломило после ночи, проведенной на полу рядом с испорченным чертежом. На запястьях отчетливо проступили багровые следы от пальцев Матео. Кожа там до сих пор зудела, напоминая о его ледяном, механическом превосходстве.

Я поднялась, швырнув измятую простыню на постель, и подошла к зеркалу. Сегодня был день, когда ловушка захлопнется официально.

Я выбрала из коробки строгий брючный костюм из плотной итальянской шерсти цвета мокрого асфальта. Никаких юбок, никакого намека на уязвимость. Пиджак с жесткими плечами сел идеально, скрывая фигуру, но подчеркивая прямую, отцовскую осанку. Я туго затянула волосы в безупречный, гладкий пучок на затылке, лишая свое лицо каких-либо эмоций. Альба Риччи готова к торгам.

Когда я спустилась по массивной лестнице в гостиную, там уже всю кипела жизнь, скрытая от посторонних глаз. У панорамных окон стояли двое парней в одинаковых темных костюмах с наушниками-капсулами в ушах – силовики Торре. На журнальном столике стоял открытый ноутбук, на экране которого беззвучно мигали графики теневых потоков.

Матео сидел в глубоком кресле у барной стойки. На нем были свежая черная рубашка, застегнутая на все пуговицы, и темные брюки. Он выглядел монументально и свежо, будто и не было ночного стакана бурбона и глухой ярости. Он чистил мандарин. Его огромные, мозолистые пальцы со сбитыми костяшками на удивление аккуратно снимали оранжевую кожуру. От него пахло крепким эспрессо и горьким цитрусом.

– Кофе на столе. Через двадцать минут здесь будут юристы и три аккредитованных репортера из *Coggiere della Sera*. Подыгрываешь мне во всем. Вопросы задают только мне. Твоя задача – кивать и выглядеть довольной.

Я проигнорировала чашку с кофе. Подошла к столу, опираясь бедром о его край, и скрестила руки на груди.

– «Довольной»? Торре, ты уверен, что пресса поверит в счастливый брак, если я буду смотреть на тебя как на судебного пристава? Нам нужно быть реалистами. Для них это прагматичный союз двух ветвей империи Риччи. Так что избавь меня от требований улыбаться.

Матео медленно отложил очищенный мандарин на гранитную столешницу. Его тяжелая челюсть качнулась. Он поднялся, и его двухметровая тень снова накрыла меня, заставляя внутренне подобраться. Он залез в карман брюк и достал оттуда массивную бархатную коробочку цвета багровой крови.

С сухим щелчком крышка откинулась.

Внутри на белом атласе лежали два кольца. Одно – широкое, из тяжелого платинового сплава, без единой гравировки, грубое и массивное, под стать его руке. Второе – чуть тоньше, но выполненное в том же ледяном, глухом стиле. Никаких бриллиантов и фамильного золота.

– Надень, – приказал Матео, пододвигая коробочку ко мне. – Сначала ты мне. Потом я тебе. Камеры снимут руки крупным планом, когда мы будем подписывать легальные документы. Это закроет рты тем ублюдкам из совета, которые считают, что я принудил тебя.

Я посмотрела на платиновый ободок. Металл казался холодным, как арматурная сталь на моем недостроенном вокзале во Флоренции. Это было мое клеймо. Моя цена за сорок два миллиона.

– Давай сюда свою лапу, Бруно, – процедила я, протягивая руку и выуживая из бархата тяжелое мужское кольцо.

Матео протянул мне свою левую руку. Его ладонь была огромной, кожа на ощупь напоминала наждак или жесткую кожу. На основании большого пальца темнел старый шрам. Я взяла его за пальцы – мои тонкие, бледные руки выглядели смешно на фоне его запястья, и с силой толкнула платиновый ободок на его безымянный палец. Металл сел плотно, врезаясь в жесткую кожу.

Матео даже не моргнул. Он взял второе кольцо. Его пальцы, несмотря на грубость, перехватили мою ладонь уверенно и жестко. Он не церемонился – толкнул платину на мой палец так, что кольцо с силой дошло до самого основания, слегка оцарапав сустав.

– Теперь ты официально Торре, Альба, – тихо сказал он, и в его сером взгляде скользнуло то же леденящее равнодушие. – Привыкай.

Я резко отдернула руку, пряча пальцы в карман пиджака. Платина казалась ледяной, удушающей петлей.

– Я Риччи, Матео. И останусь ей, даже если ты заставишь меня выжечь твою фамилию на лбу.

В этот момент пискнул интерком у входной двери. Один из силовиков Торре коротко бросил в микрофон: "Пропускай. Юристы и пресса на подъеме".

Через три минуты просторная гостиная превратилась в филиал делового ада. Вошли двое пожилых адвокатов в безупречных миланских костюмах, таща за собой кожаные портфели, а следом – фотограф с тяжелой зеркалкой и строгая женщина-журналист с диктофоном. Запах цитруса и кофе мгновенно перебила стерильная атмосфера официального офиса.

Матео преобразился. Его грубость никуда не исчезла, но она приобрела лоск дорогой, хищной деловитости. Он сел за стол, вальяжно откинувшись на спинку, и притянул меня за талию ближе к себе. Его тяжелая ладонь легла мне на поясницу, пальцы жестко вдавились через ткань пиджака, фиксируя меня на месте, как собственность. Я едва удержалась, чтобы не вонзить локоть ему в ребра.

– Синьоры, приступайте, – бросил Матео адвокатам.

Фотограф защелкал затвором. Вспышки слепили глаза, отражаясь от панорамных окон и черного базальта пола. Адвокаты с сухим шелестом начали раскладывать на столе документы — легальные контракты на слияние строительных активов Ricci-International и логистических фирм Торре.

– Синьорина Риччи, – обратилась ко мне журналистка, направляя диктофон. – В прессе ходят слухи, что этот брак – лишь попытка удержать накопления отца. Что вы можете сказать тем, кто называет этот союз фикцией?

Я почувствовала, как пальцы Матео на моей пояснице сжались чуть сильнее. Предупреждение.

Я посмотрела прямо в объектив камеры, и на моем лице застыла маска высокомерного, ледяного спокойствия. Концентрированная отцовская порода.

– В нашем мире, синьора, нет места сантиментам, – мой голос прозвучал ровно, колюче и веско. – Мой отец оставил огромную империю, и Матео Торре – единственный человек, способный удержать её от распада. Мой выбор прагматичен, но абсолютно осознан. Активы Риччи остаются в семье. Это всё, что вам нужно знать.

Матео коротко усмехнулся – эта ухмылка предназначалась журналистке, но я видела, как доволен он был моей ложью. Ему нужна была эта легитимность, и я выдала её как первоклассная актриса.

– Достаточно, – перебил Матео, забирая ручку у адвоката. – Подписываем.

Мы поставили свои подписи на пяти экземплярах. Мои пальцы слегка дрожали, когда я выводила «Альба Риччи» под текстом, который связывал меня с этим монстром на полгода.

Вспышка камеры зафиксировала наши руки крупным планом – две платиновые полосы на фоне белой бумаги.

Когда прессу и адвокатов наконец выставили за дверь, в пентхаусе снова воцарилась тишина. Но она длилась недолго.

Один из силовиков Матео, парень по имени Санто, судорожно подошел к Торре, держа в руке разрывающийся от звонков зашифрованный телефон. Его лицо было бледным.

– Босс. Проблемы на северном терминале в Чивитавеккья.

Матео резко поднялся, мгновенно теряя весь свой светский лоск. Его серые глаза потемнели, превращаясь в две грозовые тучи.

– Что там?

– Люди из калабрийского клана. Они заблокировали три наших контейнера с легальным мрамором. Требуют личной встречи с новым Доном. С тобой. И они знают, что ты в Риме. Они выставили ультиматум: если тебя не будет в порту через два часа, контейнеры сгорят вместе с таможенным постом.

Матео сквозь зубы грязно выругался по-сицилийски. Он повернулся ко мне, и его упрямый, жесткий взгляд буквально пригвоздил меня к месту.

– Собирайся, Альба, – бросил он, натягивая пиджак прямо на ходу.

– Что? – я опешила. – В порт? Это твои разборки с калабрийцами, Торре. При чем здесь я? Моя работа на сегодня окончена, бумаги подписаны.

Матео сделал шаг ко мне, перехватил меня за локоть и потащил к выходу с такой силой, что я едва успевала переставлять ноги в своих туфлях.

– Калабрийцы не признают меня без подписи твоего отца, – сказал он мне прямо в лицо, открывая бронированную дверь лифта. – Им нужно показать, что Риччи по-прежнему в деле. Ты едешь со мной как гарант сделки. Если они увидят твое породистое лицо рядом со мной, они не посмеют стрелять. Шаг влево, шаг вправо и я лично запру тебя в подвале терминала. В машину. Живо.

Глава 4

Римская кольцевая дорога превратилась в сплошную, размытую полосу серого бетона. Бронированный Maserati Mateo Торре летел по левому ряду на скорости под двести, разрезая утренний трафик с агрессией породистого хищника. В салоне пахло новой кожей, кондиционированным холодом и глухим, звенящим напряжением.

Матео вел машину жестко. Его огромные ладони лежали на кожаном руле мертвой хваткой, сбитые костяшки побелели, а взгляд серых глаз был намертво прикован к асфальту. Он не сбавлял скорость даже на крутых поворотах, заставляя тяжелый седан едва заметно крениться. Калабрийцы не ждали. Они проверяли его на прочность, и Матео пёр на этот вызов со всем своим упрямством, готовый снести любое препятствие на пути.

Я сидела на пассажирском сиденье, откинув голову на кожаный подголовник, и смотрела, как платиновый ободок на моем безымянном пальце ловит блики солнца. Металл уже нагрелся от кожи, но продолжал ощущаться как чужеродное тело.

Наручники, замаскированные под элитарный статус.

Мы миновали указатель. Портовая зона приближалась слишком быстро. Впереди уже виднелись высотные стрелы грузовых кранов и серая, свинцовая полоса моря. Матео потянулся к приборной панели, выключил шифрованную рацию, которая до этого глухо шипела докладами его людей из порта, и салон погрузился в абсолютную тишину.

– Слушай меня внимательно, Альба, – его прокуренный, низкий голос разрезал воздух, как скальпель. – Когда приедем, из машины без моей команды не выходишь. Калабрийцы – это не римские адвокаты. У этих ублюдков нет понятий о манерах. Если начнется стрельба, мои люди затолкнут тебя обратно в салон. Машина выдержит прямой удар из гранатомета. Твоя задача – просто стоять рядом со мной и молчать с тем самым высокомерным лицом, которое ты скорчила перед прессой.

Я медленно повернула голову. Из-за бешеной скорости пейзаж за окном сливался в грязное месиво, но внутри салона всё казалось статичным, застывшим. Я посмотрела на его тяжелый профиль, на ломаную линию носа и шрам у виска. Этот человек привык командовать вышибалами, привык, что его грубая сила заменяет любые аргументы. Но я сыта этим по горло.

– Притормози, Торре, – тихо, но отчетливо сказала я.

Матео даже не шелохнулся, лишь сильнее вдавил педаль газа. Мотор Maserati отозвался утробным, яростным рыком.

– Я сказала – сбавь скорость и послушай меня, – мой голос стал холодным, колючим, приобретая ту самую ледяную отцовскую тональность, перед которой в свое время трепетал весь его синдикат.

Матео резко крутанул руль, перестраиваясь в правый ряд перед самым съездом к портовым докам, и с силой нажал на тормоз. Машина тяжело клюнула носом, шины взвизгнули, сжигая резину о раскаленный асфальт, и остановилась на пыльной обочине, не доезжая полукилометра до таможенного терминала.

Он резко развернулся ко мне всем своим массивным телом, нависая над рулем. Его серые глаза потемнели от подступившей ярости.

– Ты решила показать характер прямо сейчас, Риччи? – прорычал он сквозь зубы, и его тяжелая челюсть судорожно дернулась. – У меня нет времени на твои выкрутасы. Там, за забором, стоят люди, которые хотят сжечь мой бизнес.

– Наш бизнес, Матео, – хлестко перебила я его, в упор встречая его давящий взгляд. – Строительные активы и легальные портовые квоты – это фамилия Риччи. Твоя власть держится на том, что я сижу в этой машине с твоим кольцом на пальце. Мы оба в этой ловушке, Торре. Нам обоим некуда деться от этого гребаного завешания. Тебе нужен трон, мне нужны деньги,

чтобы спасти мое бюро. Мы повязаны одной веревкой на следующие полгода, нравится тебе это или нет.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как ткань строгого пиджака натягивается на груди. Мои пальцы в карманах сжались в кулаки.

– Так вот, послушай меня, Матео, – продолжила я уже тише, – Раз уж нам суждено делить этот ад под одной крышей и стоять плечом к плечу перед калабрийскими ублюдками, прекрати общаться со мной как со своим уличным должником. Перестань грубо указывать мне, что делать, где стоять и когда дышать. Я не твоя шестерка из палермских трущоб, и я не испугаюсь твоих шрамов. Ты можешь контролировать периметр, можешь чистить свои стволы в гостиной, но со мной ты будешь разговаривать нормально. Без приказов. Без этого твоего тона мясника. Иначе в следующий раз, когда придет пресса или совет кланов, я просто сниму это кольцо и швырну его тебе в лицо. И мне плевать, что будет с твоей легитимностью.

Матео молчал. Вжавшись спиной в кожаное сиденье, он смотрел на меня так, будто впервые разглядел под маской "капризной принцессы" ту самую породу Лоренцо Риччи – упрямую, опасную, способную пойти на таран, даже зная, что впереди бетонная стена. Его грубость натолкнулась на кремь, и он физически не мог её продавить.

Он медленно перевел взгляд на мои губы, которые всё еще хранили едва заметный след ночной боли, затем снова впился в мои карие глаза. Между нами опять натянулась эта удушающая, пустая струна, лишенная тепла, но полная опасного, чистого противостояния.

Прошло секунд тридцать. Тишину нарушал только щелкающий звук остывающего глушителя Maserati.

Матео медленно отвернулся к лобовому стеклу. Его огромная рука легла на рычаг коробки передач. Он сурово качнул головой, и когда он заговорил, его голос остался прежним – прокуренным и резким, но уличный, приказной приказной тон из него исчез. Осталась только сухая, деловая жесткость.

– Калабрийцы ждут у четвертого пирса, Альба, – тихо произнес он, включая передачу. – Держись за моей спиной. Не потому, что я так приказал. А потому, что оттуда лучше видно, как я буду ломать им кости.

Машина плавно съехала с обочины и направилась к портовым воротам, за которыми нас ждала неизвестность.

Глава 5

Четвертый пирс встретил нас оглушительным криком чаек и тяжелым, маслянистым запахом морской воды, дизеля и гниющей рыбы. Бронированный Maserati плавно затормозил у огромной стены из ржавых морских контейнеров. За ними, разрезая свинцовое небо, высились портовые краны.

Как только мотор заглох, боковая дверь одного из бытовок открылась, и к машине быстрым шагом направился мужчина. Высокий, поджарый, в отлично сидящем темно-синем пальто, несмотря на портовую грязь, и с неизменной легкой, почти наглой ухмылкой на лице.

Алессандро Вари. Лучший друг Матео и его главный союзник в этом бизнесе. Если Матео был сокрушительным молотом этой империи, то Лоренцо – её острым скальпелем и аналитическим центром. Они прошли вместе через нищету сицилийских окраин и войну за римские терминалы, доверяя друг другу спины так, как не доверяют даже кровным братьям.

Алессандро подошел к водительской двери, дождался, пока Матео опустит стекло, и оперся ладонями о раму, заглядывая в салон. Его внимательные, почти черные глаза мгновенно скользнули по мне, подмечая и жесткую осанку, и платиновое кольцо на моем пальце.

– Торре, ты как раз вовремя. Калабрийцы уже начинают нервничать, их старший, этот боров Антонио, трижды плевал в сторону наших складов, – блондин говорил быстро, с легким римским акцентом, но голос его оставался собранным.

Он перевел взгляд на меня и вежливо, но едва заметно приподнял бровь.

– Синьора Торре. Выглядите безупречно для портовых доков. Алессандро Вари, к вашим услугам.

– Альба Риччи, – жестко поправила я его, не принимая его светского тона. – И я здесь исключительно по делу.

Алессандро тихо хмыкнул, оценив мой выпад, и бросил быстрый, многозначительный взгляд на Матео. В этом взгляде читалось: «Ого, а девчонка-то с зубами».

Матео вышел из машины, застегивая пиджак на одну пуговицу. Его массивная фигура тут же перекрыла ветер, дующий с моря.

– Сколько их, Алекс? – спросил Матео, обходя машину и открывая мне дверь.

На этот раз он не хватал меня за локоть – просто ждал, пока я выйду сама, молча демонстрируя, что услышал мой разговор в машине.

– Десять человек, – Алессандро пошел рядом с нами, засунув руки в пальто. – Трое на виду, остальные рассредоточены за контейнерами с мрамором. Все с коротковолнами. Они приехала торговаться, но с позиции силы. Они думают, что раз Лоренцо Риччи в могиле, то легальные квоты на порт можно просто отжать.

– Квоты принадлежат Альбе, – сухо бросил Матео, замедляя шаг у входа в ангар. – А значит, они мои.

Я шла чуть позади них, чувствуя, как каблуки туфель вязнут в портовой пыли и мелком гравии. Прохладный морской ветер трепал выбившиеся из узла пряди моих черных волос, но я упрямо держала подбородок поднятым. Алессандро Вари шел чуть сбоку, ненавязчиво прикрывая меня со стороны слепых зон между контейнерами. В его расслабленной походке чувствовалась пугающая готовность к действию – под полой его дорогого пальто явно скрывалось что-то тяжелое.

– Будь аккуратнее, брат, – тихо, одними губами произнес Алессандро, обращаясь к Матео, когда мы подошли к массивным железным воротам четвертого входа. – Калабрийцы хитрые. Если они увидят слабинку, они надавят.

– Я не знаю, что такое слабина, Алекс, – ответил Матео.

Его лицо превратилось в каменную маску. Серые глаза сузились, фиксируя каждое движение впереди. Он обернулся ко мне, замер на секунду и сделал едва заметный жест рукой, приглашая меня встать вровень с ним. Не позади, как служанку, а рядом. Как и подобает наследнице фамилии Риччи.

– Идем, – коротко сказал он.

Мы переступили порог ангара. Внутри было темно и сыро. В центре пространства, между огромными деревянными паллетами с необработанными плитами каррарского мрамора, стоял длинный железный стол. Вокруг него сгрудились плотные, бородатые мужчины в кожаных куртках. Воздух здесь был пропитан запахом дешевого табака и дешевого одеколona.

При нашем появлении разговоры мгновенно стихли. Старший из них, грузный, с седой щетиной и тяжелым золотым крестом на шее, сделал шаг вперед. Это был Антонио. Его плотоядный, сальный взгляд сначала прошелся по Матео, а затем намертво впился в меня.

– О, Торре, – хрипло рассмеялся калабриец, раскинув руки в притворном приветствии. – Наконец-то. Мы уж думали, ты застрял в Риме, примеряя корону покойного Риччи. А это, стало быть, его дочурка? Привез ее, чтобы мы убедились, что она еще дышит?

Лоренцо Вари сделал шаг в сторону, мягко распределяя вес тела и убирая руку в карман пальто. Его глаза сканировали людей за спиной Антонио. Атмосфера в ангаре мгновенно упала до нуля.

Матео не ответил на приветствие. Он подошел к столу, оперся о него ладонями и наклонился вперед, заставляя Антонио инстинктивно убрать ухмылку с лица.

– Контейнеры, Антонио, – ледящим тоном произнес Матео. – Мои парни сейчас начнут погрузку. А ты и твои люди сядете в свои машины и уберетесь обратно на юг. Это моя первая и последняя уступка вашей вежливости.

Антонио злобно прищурился, переводя взгляд с Матео на меня.

– Твоя? Торре, ты всего лишь пес, которого Лоренцо Риччи держал на коротком поводке. Бумаги на квоты подписаны фамилией Риччи. И пока мы не увидим, что законная наследница согласна отдать эти терминалы тебе, никто не сдвинется с места. Девчонка умеет говорить, или ты привез ее как куклу?

Матео не шелохнулся, но я увидела, как под тканью его пиджака напряглись мышцы спины. Наша война в машине не прошла даром – он ждал, что я сделаю.

Я шагнула вперед, выходя чуть перед Матео, и положила руку с платиновым кольцом прямо на край железного стола, в самую гущу сигаретного пепла. Калабрийцы уставились на платиновый ободок.

– Мой отец мертв, синьор Антонио, – мой голос прозвучал так чисто и звонко, что эхо ударилось о железную крышу ангара. В нем не было ни капли страха – только высокомерие флорентийской аристократии, смешанное с жесткостью Палермо. – Но его имя и его воля продолжают действовать. Матео Торре – мой муж. И всё, что принадлежало Риччи, теперь принадлежит ему. Если у вас есть вопросы к его легитимности, вы можете задать их прямо сейчас. Но учтите: за воротами порта стоят машины нашей личной охраны, а Алессандро Вари, который стоит за моей спиной, очень не любит, когда тратит его время впустую.

Алекс за моей спиной тихо, одобрительно качнул головой, а его ухмылка стала еще шире. Он явно наслаждался шоу.

Антонио переводил взгляд с моего ледяного лица на массивную, угрожающую фигуру Матео. Ситуация изменилась. Они ждали испуганную сиротку, а столкнулись со сложенным, опасным механизмом.

Матео медленно выпрямился, и в его серых eyes впервые за этот день мелькнуло нечто, похожее на мрачное уважение ко мне. Он посмотрел на калабрийца сверху вниз.

– Ты слышал мою жену, Антонио? А теперь забирай своих людей. Живо.

Глава 6

Калабрийцы уходили молча, злобно сплевывая на бетонный пол ангара и пряча стволы под куртки. Антонио на прощание одарил меня долгим, обещающим взглядом, но Матео шагнул в сторону, полностью перекрывая меня своей массивной фигурой. Когда тяжелые ворота склада скрежетнули и отрезали нас от портовой зоны, напряжение, державшее воздух последние полчаса, наконец лопнуло.

– Ну и ну, – раздался сзади звонкий, тягучий голос.

Алессандро вытащил руки из карманов пальто и с безупречной грацией потянулся, хрустнув шейей. На свету его коротко стриженные светлые волосы отливали чистым золотом, контрастируя с темными, цепкими глазами. На скуле блондина белел свежий, аккуратный шрам. На работе он превращался в расчетливую, ледяную машину, но сейчас его лицо озарила какая-то мальчишеская, игривая ухмылка.

– Торре, друг мой, кажется, ты взял в жены пороховую бочку, – Алекс подошел ближе, весело разглядывая меня. – Синьорина Риччи, ваш спич про "нашу личную охрану" и мою скромную персону – это просто высший пилотаж. Я чуть сам не поверил, что у меня за углом стоит армия. Выдающаяся импровизация.

– Я не импровизировала, Алессандро, – я устало выдохнула, чувствуя, как после пережитого адреналина начинают подкашиваться ноги. – Я просто защищала свои четыре миллиона евро неустойки. Калабрийцы бы сожгли квоты, а вместе с ними и мое архитектурное бюро.

– О, прошу, для друзей я просто Алекс, – он шутливо приложил ладонь к сердцу и отвесил легкий, почти театральный поклон. – И раз уж мы теперь одна большая, пусть и слегка криминальная семья, предлагаю свернуть этот филиал паранойи и поехать пожрать. Я голоден как сицилийский волк, а наша скала, – он кивнул на хмурого Матео, – судя по выражению лица, сейчас начнет грызть мраморные плиты.

Матео даже не улыбнулся. Он бросил короткий взгляд на часы на массивном запястье и направился к выходу из ангара.

– По машинам, – глухо бросил он. – Алекс, проконтролируй отгрузку мрамора. Вечером жду у себя.

Дорога обратно в Рим прошла спокойнее, хотя Матео по-прежнему молчал, как гранитная глыба. Зато в пентхаусе атмосфера изменилась, и всё благодаря Алексу. Он приехал через час после нас, таща в руках три огромных бумажных пакета из традиционной римской традиции.

– Так, господа интеллектуалы и brutальные ликвидаторы, – провозгласил блондин, бесцеремонно заходя на кухню и вываливая содержимое пакетов прямо на гранитную стойку. – Хватит душить друг друга взглядами. Альба, бросайте ваши чертежи, я привез правильную углеводную терапию. Паста "Аматричана", которая заставит вас забыть, что вы заперты в бетонной коробке с этим угрюмым великаном.

Я вышла из своей комнаты, сменив строгий пиджак на простой черный свитер оверсайз. Алекс тут же протянул мне бокал густого красного вина, ловко подмигнув.

– Пейте, Альба. Это лечит любые душевные травмы, нанесенные тяжелым характером Торре. Я терплю его шутки уже десять лет. Точнее, их отсутствие. За всё это время он улыбнулся раза три, и то, когда мы отжали доки у неаполитанцев.

Матео, сидевший на диване и до этого момента изучавший что-то в телефоне, тяжело вздохнул и поднял глаза.

– Алекс, закрой рот и ешь.

– Вот видите! – картинно возмутился Алекс, раскладывая дымящуюся пасту по тарелкам. – Никакой благодарности за обед. Альба, скажите как архитектор, это пространство вообще

пригодно для жизни? По-моему, Матео проектировал этот пентхаус, вдохновляясь одиночной камерой строгого режима.

Я сделала глоток вина – терпкий, вязущий вкус действительно немного снял утреннее мышечное напряжение и оглядела стерильную кухню-гостиную.

– Здесь нарушена эргономика, – спокойно ответила я, садясь на высокий стул напротив Алекса. – Слишком много глухого бетона и базальта. Пространство давит, оно агрессивно. Здесь нет зон для отдыха, только узлы для контроля периметра. Дом параноика.

Алекс залился тихим, искренним смехом, отчего мелкие морщинки вокруг его темных глаз собрались в лучики.

– Один-ноль в пользу Флоренции! Матео, слышал? Твой изысканный вкус разнесли в пух и прах.

Матео поднялся с дивана, подошел к стойке и молча забрал свою тарелку с пастой. Он сел чуть поодаль, на крайний стул, отделяя себя от нашего внезапного веселья. На его лице не было злости – скорее, привычное, глубокое равнодушие человека, который не умеет и не хочет участвовать в дружеской болтовне. Для него мы оба были белым шумом. Он просто восполнял калории перед ночной работой.

– Завтра совет кланов, Алекс, – сухо напомнил Матео, наматывая спагетти на вилку. – Старик Сальваторе требует личного присутствия Альбы. Они хотят убедиться, что подписи на слиянии активов настоящие.

Веселье Алекса мгновенно испарилось, уступив место той самой собранности, о которой ходили легенды в подпольном мире Рима. Его взгляд стал острым, как бритва. Он перевел взгляд на меня, оценивая риски.

– Сальваторе старый лис, – тихо сказал Алекс, ковыряя вилкой в тарелке. – Он будет копать. Альба, на совете соберутся волки, которые помнят твоего отца еще молодым. Они знают, как Лоренцо Риччи умел блефовать, и будут искать эти черты в тебе. Если они поймут, что ваш брак с Матео – это просто сделка ради спасения твоего бюро, они аннулируют завешание через свои суды за пять минут.

Я посмотрела на платиновое кольцо на своем пальце, затем на Матео. Тот ел молча, не глядя на нас, предоставив своему другу право объяснять мне правила игры. Матео было плевать на мои чувства, его волновал только результат.

– Я справлюсь, – ответила я, и мой голос снова обрел ту плотность, которая спасла нас в порту. – Мой отец научил меня главному правилу: никогда не показывай врагу, сколько у тебя карт на руках. Пусть думают, что я полностью подчинена Торре. Для этих старых сицилийцев это будет самой убедительной ложью.

Алекс на секунду замер, а затем его лицо снова расплылось в игровой, восхищенной ухмылке. Он легонько стукнул своим бокалом о мой.

– Знаешь, Торре... – протянул блондин, косясь на молчаливого друга. – Кажется, эти шесть месяцев будут гораздо интереснее, чем мы думали. Главное, чтобы вы друг друга не пристрелили до окончания контракта. А то мне придется самому управлять этими портами, а я, как назло, ужасно ленив для бумажной работы.

Глава 7

Зал заседаний в закрытом загородном клубе пах дорогим табаком, старым деревом и застоявшимся страхом. За этим массивным столом из мореного дуба решались судьбы половины теневого Италии. Здесь не было случайных людей – только верхушка совета кланов. Шесть стариков, чьи лица напоминали пергамент, иссеченный морщинами, сидели в глубоких кожаных креслах.

В центре стола восседал дон Сальваторе – блеклый, седой старик с подрагивающими пальцами, в которых, вопреки возрасту, по-прежнему была сосредоточена смертоносная власть. Его водянистые, желтоватые глаза следили за каждым нашим шагом от самых дверей.

Матео шел впереди. Его тяжелая, уверенная поступь заставляла парней из охраны на входе напряженно выпрямляться. На нем был безупречный темно-серый костюм, застегнутый на все пуговицы, скрывающий шрамы, но подчеркивающий монументальный разворот плеч. Я шла рядом, едва касаясь рукавом его пиджака. Для этого визита я выбрала строгое закрытое платье винного цвета и убрала волосы в безупречную косу. На моем пальце тускло поблескивала платина Торре.

Чуть позади, у самых дверей, остался Алессандро. Алекс сменил свой привычный ослабленный вид на глухой черный костюм. Его светлые волосы были аккуратно уложены, а лицо превратилось в маску холодной, профессиональной сосредоточенности. Он замер у стены, скрестив руки на груди, но его темные глаза непрерывно сканировали периметр, готовые к любому исходу.

– Матео, – скрипучим, сухим голосом произнес дон Сальваторе, не поднимая головы от разложенных перед ним документов на слияние активов Ricci-International. – Мы изучили бумаги. Юридически всё чисто. Твой тесть, Лоренцо Риччи, умел составлять завещания так, чтобы комар носа не подточил. Но ты же понимаешь... совет не может отдать порты и строительный сектор человеку, который просто удачно женился.

Старик наконец поднял взгляд, и его глаза впились в меня, как два рыболовных крючка.

– Нам нужны гарантии, что это не фикция, Альба. Твой отец не хотел, чтобы его империя отошла чужаку. Ты действительно добровольно отдала себя и свои квоты парню из трущоб? Или Торре просто приставил к твоей голове ствол во Флоренции? В порту вы умили аппетиты калабрийцев, но совет требует доказательств союза перед тем, как подписи вступят в силу. Вы выглядите как два надгробия, а не как молодожены.

В зале повисла тяжелая, удушающая тишина. Я чувствовала, как на нас смотрят остальные члены совета – с циничным прищуром, выжидая малейшую осечку, фальшь, дрожь в моих руках. Они хотели разорвать контракт и поделить наследство отца.

Матео молчал, его челюсть качнулась, выдавая крайнюю степень раздражения. Он не собирался перед ними оправдываться. Инициативу нужно было брать мне.

– Наш союз – это деловое и личное решение, дон Сальваторе, – спокойно и ледяно произнесла я, делая шаг ближе к столу. – Матео тот мужчина, которого мой отец выбрал для защиты семьи. И я полностью разделяю этот выбор.

Чтобы закрепить эту ложь, я повернулась к Матео. Мое сердце бешено колотилось в груди, но лицо оставалось каменным. Я приподнялась на носочках, потянулась к его жесткому, колючему подбородку и быстро, едва коснувшись, чмокнула его в губы. Это был сухой, протокольный жест. Жест женщины, которая играет на публику, но боится по-настоящему прикоснуться к чудовищу.

Я отстранилась и снова посмотрела на стариков.

По залу прошел едва слышный, презрительный смешок. Дон Сальваторе откинулся на спинку кресла, и на его губах появилась змеиная ухмылка.

– Смешно, – сказал старик, качая головой. – Маленькая принцесса Риччи целует своего мужа так, будто боится заразиться чумой. Кого вы пытаетесь обмануть? Этот брак – фальшивка. Вы едва выносите друг друга. Торре, ты теряешь хватку. Совет не утвердит слияние на основании этого детского спектакля. Бумаги аннулированы. Порты переходят под временный контр...

Он не успел договорить.

Матео среагировал молниеносно. Ему было глубоко плевать на меня, на мои чувства и на правила приличия, но у него на глазах отбирали его трон, его легитимность и его власть. Его упрямая, яростная натура ликвидатора не могла позволить этим старикам победить.

Его огромная ладонь жестко, без малейшего предупреждения врезалась в мои волосы на затылке. Его пальцы стальными тисками перехватили мои волосы, заставляя меня резко запрокинуть голову назад. Сдавленный выдох застрял у меня в горле. Вторым движением Матео грубо притянул меня за талию к себе, намертво вжимая мое тело в свой каменный торс.

И его губы обрушились на мои.

Это не имело ничего общего с тем сухим поцелуем, который я изобразила секунду назад. Это была демонстрация силы. Чистая, концентрированная, пугающая актерская игра, доведенная до абсолютного абсолюта. Матео целовал меня с такой яростной, собственнической страстью, будто пытался выжечь свое клеймо прямо на глазах у совета. Его губы жестко сменяли мои, язык ворвался без разрешения, сминая любое возможное сопротивление и заставляя меня задохнуться от этой внезапной тактильной атаки.

Я инстинктивно уперлась ладонями в его грудь, пытаясь оттолкнуть эту двухметровую стену, но он лишь сильнее сжал пальцы на моем затылке, фиксируя меня перед лицами стариков. От него пахло горьким эспрессо, дорогим парфюмом и чистой, первобытной угрозой. Поцелуй длился непомерно долго, превращаясь в изощренную пытку на глазах у шести застывших мафиози. Это было грязно, напористо и пугающе убедительно. Для внешнего мира это выглядело как одержимость мужчины своей женщиной.

Алекс у дверей едва заметно подобрался, его ухмылка исчезла, сменившись оценивающим, серьезным взглядом – он понимал, на какой грани сейчас играет его друг.

Когда Матео наконец оторвался от моих губ, в зале стояла мертвая, звенящая тишина. Мои губы горели и опухли, дыхание сбилось, а в карих глазах закипела настоящая, бешеная ненависть. Но для совета эта ненависть выглядела как вспышка страсти.

Матео не отпустил мою талию. Он продолжал держать меня за неё, прижимая к своему боку, пока его ледяной, серый взгляд медленно обходил лица присутствующих стариков. На его челюсти ходили желваки.

– Еще вопросы о нашем браке есть, Сальваторе? – тихо, с леденящей угрозой спросил Матео, и его прокуренный голос заполнил комнату. – Или мы можем закончить эту херню и перейти к распределению долей?

Дон Сальваторе долго смотрел на нас, переводя взгляд с моих разбитых губ на тяжелый кулак Торре. Наконец, старик медленно опустил глаза к документам и пододвинул к себе перьевую ручку.

– Контракт утвержден. Слияние активов завершено. Можете идти.

Матео резко развернулся, увлекая меня за собой к выходу. Я шла, чувствуя, как дрожат мои колени, а пальцы судорожно сжимают ткань платья. Наша война только что перешла на новый уровень, и плата за мою архитектурную мечту оказалась куда более тактильной и унижительной, чем я могла себе представить.

Глава 8

Бронированная дверь лифта, ведущего прямо в пентхаус, захлопнулась с глухим металлическим стуком, отрезая нас от подземного паркинга. Стоило кабине плавно тронуться вверх, как маска высокомерной леди, которую я с таким трудом удерживала на совете, разлетелась вдребезги.

Я резко развернулась к Матео, и мой голос, сорвавшись на шипение, заполнил замкнутое пространство.

– Что это, черт возьми, сейчас было, Торре?! Что это за нахрен был за перформанс перед советом?!

Матео стоял, прислонившись спиной к зеркальной стене лифта. Он медленно ослабил узел безупречного шелкового галстука, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и посмотрел на меня сверху вниз. На его губах – впервые за всё время, что я его знала, появилась медленная, кривая ухмылка. В ней не было тепла. Это был оскал уличного бойца, который только что сорвал куш и прекрасно об этом знал.

– Это была досрочная защита твоих четырех миллионов, Риччи, – лениво отозвался он, засовывая руки в карманы брюк. – Если бы я не заткнул Сальваторе, твоё бюро сейчас выставляли бы на аукцион за долги.

– Ты перешел черту! – я шагнула к нему, ткнув пальцем в его каменную грудь.

Мои губы до сих пор горели, а во рту оставался привкус его горького кофе.

– Мы договаривались о деловом союзе, а не о публичном насилии над моим личным пространством! Ты не имел права так меня трогать!

Матео резко наклонился ко мне. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего, и эта его кривая, порочная натура ликвидатора обнажилась до предела. В серых глазах заплясали опасные, насмешливые огоньки.

– Хочешь еще? – тихо, с хриплым вызовом спросил он.

Я замерла, уставившись в его зрачки. Мое сердце пропустило удар. Внутри всё сжалось от странной, звенящей смеси ярости и растерянности. Я смотрела на него и физически не могла понять: он шутит сейчас, издевается над моей гордостью или говорит абсолютно серьезно? Его лицо оставалось непроницаемым, несмотря на эту издевательскую полуухмылку.

Лифт тихо звякнул, сообщая об прибытии на этаж. Двери разошлись. Матео выпрямился, мгновенно вернув себе привычную холодность, и первым вышел в гостиную.

– Расслабься, Альба. Мне не доставляет удовольствия целовать женщину, которая цепенеет от ужаса, – бросил он через плечо, проходя к барной стойке. – Но старик прав в одном. Ни один человек в здравом уме не поверит, что ты моя жена, пока ты шарахаешься от моей тени и смотришь на меня как на расстрельную команду. Любая проверка от совета и мы погорим. Тебе нужно научиться держать удар рядом со мной. Настоящий удар.

Он налил себе стакан ледяной воды и повернулся ко мне.

– В подвале дома есть тренировочный зал. Алекс скоро подтянется, мы планировали размяться перед ночным выездом. Приглашаю тебя, – Матео смерил мою плотную, невысокую фигуру оценивающим, сухим взглядом. – Умеешь драться, принцесса? Или во Флоренции тебя учили только карандаши затачивать?

Я скрестила руки на груди, и на моих губах появилась ответная, едкая ухмылка Лоренцо Риччи. Желание стереть это превосходство с его лица перевесило всю мою усталость.

– Я лучшая в этом, Торре. Одевайся. Посмотрим, из чего сделан твой бетонный стержень.

Сырой, холодный воздух подземного спортзала пах тальком, старой кожей и немного потом. Здесь не было панорамных окон Прати – только бетонные стены, залитые тусклым, желтоватым светом люминесцентных ламп, тяжелые боксерские мешки и жесткие маты в центре.

Я спустилась вниз первой, сменив платье на плотные черные спортивные лосины и короткий топ, открывающий вид на хрупкие плечи. Волосы я перетянула в тугую, жесткий хвост. Мои ладони уже были плотно перемотаны тренировочными бинтами – въевшаяся привычка с тех времен, когда отец заставлял меня проводить часы в зале, вбивая в голову простую истину: «Риччи не просят пощады, они её покупают».

Матео вошел через пару минут. Без рубашки, в одних свободных спортивных брюках. На его торсе живого места не было от старых шрамов – рваные следы от ножевых на Сицилии, блеклые отметины от пуль на ребрах. Его мышцы перекачивались под плотной кожей, как стальные тросы. Он неторопливо наматывал черный бинт на свою огромную левую ладонь, зубами затягивая узел.

В углу зала, развалившись на перевернутом пластиковом ящике, уже сидел Алекс. На его плечах висело серое полотенце, светлые волосы были взъерошены после собственной разминки, а в руках он держал секундомер. При моем появлении блондин весело присвистнул.

– Так-так, Торре, кажется, твоя принцесса пришла снимать с тебя пыль, – Алекс игриво подмигнул мне, сверкнув глазами. – Альба, если он начнет побеждать, зовите меня. Я с удовольствием подставлю ему подножку. Я ставлю на Флоренцию пятьсот евро.

– Заткнись, Алекс, – хрипло бросил Матео, выходя на центр мата.

Он встал в свободную, угрожающую стойку. Его двухметровый силуэт полностью перекрывал свет лампы, швыряя на меня тяжелую тень.

– Ну давай, Риччи. Покажи свою лучшую сторону. Без правил.

Я не заставила себя ждать. Злость за утренний поцелуй, за его грубость, за удушающий контракт выплеснулась наружу одной концентрированной волной. Я рванула вперед, резко сокращая дистанцию, и нанесла хлесткий, быстрый лоу-кик по его правому бедру. Удар пришелся точно в мышцу. Матео даже не шелохнулся, его нога была жесткой, как кора векового дуба, но его серые глаза сузились.

– Неплохо, – процедил он.

В следующую секунду он выбросил вперед тяжелый левый джеб. Я успела уклониться, чувствуя, как воздух от его кулака обжег мне ухо, и тут же пробила короткий, яростный апперкот ему под дых. Мои костяшки встретили каменный пресс. Матео глухо рыкнул, перехватил мою руку в полете и с силой крутанул меня вокруг своей оси, вжимая спиной в свою грудь.

Его горячее, тяжело дышащее тело накрыло меня сзади. Его предплечье жесткой петлей легло мне на горло, слегка перекрывая кислород. От него веяло чистым, первобытным жаром.

– Медленно, Альба, – его прокуренный голос прозвучал прямо у моего уха, обжигая кожу. – Слишком много ярости. Ярость ослепляет.

– Пошел ты, – прохрипела я.

Я резко выбросила назад локоть, со всей силы впечатывая его в его поврежденные ребра. Раздался глухой, болезненный стук. Матео шумно выдохнул, его хватка на секунду ослабла, и я, пользуясь моментом, перебросила свой вес вперед, увлекая его за собой. Мы оба с грохотом рухнули на жесткие маты.

Алекс в углу подпрыгнул, дико расхохотавшись.

– Красиво! Пятьсот евро уходят синьорине Риччи! Торре, тебя уложила женщина весом в пятьдесят килограммов!

Но радоваться было рано. На полу Матео превращался в абсолютного хищника. Он перекатился, мгновенно подминая меня под себя. Его тяжелое, массивное тело навалилось сверху, лишая меня малейшей возможности двигаться. Он перехватил мои запястья, с силой вдавли-

вая их в маты над моей головкой. Металл нашего общего кольца на его пальце болезненно врезался в мою кожу.

– Пусти! – тяжело дыша, выплюнула я, пытаюсь вырвать руки.

Моя грудь бешено вздымалась, касаясь его обнаженного торса.

– Нет, – Матео навис надо мной.

Его лицо было в полусантиметре от моего, капли пота с его лба падали на мою шею. В его серых глазах горел сумасшедший, горячий азарт. Эта была та самая тактильная, опасная близость, от которой внутри всё плавилось и каменело одновременно.

– Ты сказала, что ты лучшая. Доказывай.

Я изогнулась всем телом, пытаюсь сбросить его, наши ноги переплелись в жестком, болезненном узле. Я чувствовала жесткость его бедер, жар его кожи и сумасшедший ритм его сердца. В этой борьбе была чистая, концентрированная сила и сопротивление двух ломающих друг друга характеров.

Я резко подалась вперед и со всей силы укусила его за плечо, прямо в жесткую мышцу.

Матео глухо, яростно зарычал. Его хватка на моих запястьях на секунду превратилась в настоящие тиски – на коже точно останутся багровые синяки, но вместо того, чтобы отпрянуть, он еще сильнее вжался в меня, фиксируя мои бедра своими. На его губах снова появилась та самая кривая, порочная ухмылка.

– Дикая кошка, – хрипло выдохнул он мне прямо в губы, и в его голосе проскользнуло что-то пугающе темное, горячее и собственническое. – Риччи, ты определенно стоишь каждого цента из этих сорока миллионов.

Я смотрела в его глаза, задыхаясь от нехватки воздуха. Нас разделяли миллиметры. Мои губы, всё еще припухшие после утреннего совета, подрагивали.

– Эй, голубки, – раздался громкий, ироничный голос Алекса, который бесцеремонно подошел к краю мата и похлопал секундомером по ладони. – Я, конечно, всё понимаю, страсть, платина на пальцах и итальянский темперамент... Но если вы сейчас начнете делать детей прямо на тренировочном мате, я потребую долю в вашем строительном бизнесе. Кончайте возиться, Торре, у нас выезд через сорок минут.

Матео замер. Он медленно, будто нехотя, разжал пальцы, отпуская мои руки, и поднялся на ноги одним гибким движением. Его тело блестело от пота, дыхание было глубоким и ровным. Он протянул мне руку, чтобы помочь подняться.

Я проигнорировала его ладонь, поднялась сама, тяжело опираясь на колени. Всё тело ломило от его жестких захватов, запястья горели, но внутри впервые за долгое время вместо глухой тоски появилось странное, будоражащее чувство свободы.

Я посмотрела на Матео, стирая пот со лба обратной стороной ладони.

– В следующий раз, Торре, – тихо сказала я, и на моем лице появилась колючая ухмылка, – я сломаю тебе нос.

Матео принял у Алекса полотенце, вытер шею и, уходя к выходу, коротко обернулся. В его взгляде больше не было мертвенного холода.

– Буду ждать с нетерпением, Альба.

Глава 9

Утреннее солнце Рима резало глаза сквозь панорамные окна пентхауса, но внутри меня всё еще ныло от вчерашних матов. На запястьях отчетливо проступили багровые отпечатки пальцев Матео. Я рассматривала их, сидя за кухонным островом с чашкой крепкого эспresso, когда тишину квартиры разорвал требовательный, залиvistый звонок в дверь.

Торре и Алекса не было со вчерашнего вечера – они уехали на какую-то встречу и до сих пор не возвращались. Охрана на входе была предупреждена, поэтому я спокойно пошла открывать.

Стоило замку щелкнуть, как тяжелая дубовая дверь отлетела в сторону, и в стерильный, бетонный мир Матео Торре ворвался настоящий ураган.

– Риччи! Матерь божья, если этот твой мрачный терминатор запер тебя здесь без права на шопинг, я лично подпалю его Maserati! – раздался звонкий, грудной голос, и на мою шею тут же упали объятия, пахнущие дорогим парфюмом, сигаретным дымом и свободой.

Милания. Моя подруга детства, с которой мы вместе выросли на узких улочках Флоренции, пока её семья не перебралась в Рим. Яркая, жгучая рыжеволосая бестия с зелеными глазами, которая жила по принципу «сначала стреляй, потом задавай вопросы». По своей энергетике Милания была упрямая, ироничная, колкая, способная одной фразой срезать любого пафосного сноба и превратить даже самые похоронные обстоятельства в повод для фарса.

Она отстранилась, удерживая меня за плечи, и её зеленые глаза мгновенно заскользили по моему лицу, спустились к шее и замерли на запястьях. Улыбка Милании тут же сменилась опасным прищуром.

– Так. Лоренцо Риччи, конечно, был жестким мужиком, но этот твой Торре... Он что, путает семейную жизнь с допросами в подвалах Палермо? Что это за синяки, Альба?

– Мы просто тренировались вчера в зале, Милан, – я слабо улыбнулась, увлекая её за собой на кухню.

Впервые за эти дни мне показалось, что я могу дышать полной грудью. С ней мне не нужно было держать марку ледяной наследницы.

– Я сама напросилась. Хотела проверить его на прочность.

– И как? – Милания бесцеремонно запрыгнула на высокий барный стул, скинув на пол свои замшевые туфли на шпильке и откинув назад копну огненных волос. – Проверила? Он горячий? Судя по твоим рукам, этот шкаф сделан из армированного бетона. Но ты держишься. Настоящая Риччи. Рассказывай всё. Сплетни из интернета про вашу "безумную страсть" на совете уже долетели до моих ушей. Сальваторе, говорят, чуть святой водой вас не окропил.

Я налила ей кофе и села напротив, подперев подбородок ладонями. Внутри меня наконец открылся шлюз. Я рассказала ей всё: про дурацкое завещание отца, про четыре миллиона неустойки, которые держат меня на поводке, про удушающий контроль Матео и про тот дикий, вынужденный поцелуй, который спас наши шкуры, но выжг мне душу.

Милания слушала молча, крутя в пальцах маленькую ложечку. В её глазах прыгали чертики.

– То есть, парень грубый, как наждачка, зажал тебя перед шестью мафиозными дедами, а потом вы катались по матам в подвале? – резюмировала она, сделав глоток эспresso. – Альба, дорогая моя, это, конечно, адски опасно, но звучит как завязка для очень горячего романа. Ты уверена, что между вами только бизнес? Потому что если мужчина так держит женщину за затылок, там либо чистая ненависть, либо...

– Чистая ненависть, – отрезала я, чувствуя, как к щекам вопреки воле приливает жар. – Матео Торре видит во мне только инструмент для получения легитимности. Да, сильный, да,

чертовски опасный, но у него вместо сердца бизнес-план по захвату легального сектора. Я для него – квоты и подпись Риччи. Не больше.

– Ну-ну, утешай себя, – хохотнула рыжая, потянувшись к моей тарелке с печеньем. – Мужчины из трущоб, когда дорываются до принцесс, всегда сначала включают режим дикарей. Это у них защитная реакция. Они боятся, что вы увидите, какие они внутри...

Договорить она не успела. Замок входной двери снова щелкнул, и в гостиную вошли Матео и Алекс. Они оба выглядели уставшими, на куртке Торре виднелись темные капли дождя, а Алекс на ходу прятал в карман телефон, что-то весело напевая под нос.

– ...поэтому я и говорю, Торре, в следующий раз мы просто... – Алекс осекся на полуслове, заметив Миланию.

Блондин замер посреди кухни. Его темные глаза округлились, когда он увидел это рыжее недоразумение, сидящее на его любимом барном стуле с печеньем в зубах. Милания, ничуть не смутившись, медленно повернула голову, смерила Алекса оценивающим взглядом от модных кроссовок до взъерошенных светлых волос и со звучным хрустом откусила половину печенья.

Матео остановился чуть позади друга. Его серый, тяжелый взгляд скользнул по Милании, затем переместился на меня. На его лице снова появилось привычное суровое выражение, но в глубине глаз мелькнуло удивление – он явно не ожидал увидеть здесь посторонних.

– Это Милания, моя подруга детства, – спокойно нарушила я тишину, поднимаясь со стула. – Она приехала навестить меня. Надеюсь, твой параноидальный протокол безопасности это выдержит, Торре?

Алекс наконец пришел в себя. На его лице мгновенно расцвела его фирменная, игривая ухмылка. Он сделал шаг вперед, элегантно поправив воротник куртки, и уставился на Миланию так, будто нашел редкую коллекционную игрушку.

– О, так у нашей ледяной королевы есть огненная свита? – протянул Алекс, вальяжно опираясь локтем о край стойки прямо перед носом Милании. – Алессандро. Для такой ослепительной синьорины просто Алекс.

Милания медленно дожевала, аккуратно смахнула крошку с губы и посмотрела на него снизу вверх с точно такой же колкой, непробиваемой ухмылкой.

– Очень приятно, просто Алекс. А я Милания. Для парней с сомнительной репутацией – синьорина Валлоне. Держи дистанцию, блондинчик, а то твоя идеальная укладка пострадает от моего плохого характера.

Алекс на секунду лишился дара речи, а затем тихо, восхищенно рассмеялся.

Матео тем временем подошел ко мне почти вплотную. От него пахло бензином и холодным ветром. Он проигнорировал искры, летящие между Алексом и Миланией, наклонился к моему уху и негромко, так, чтобы слышала только я, произнес:

– Подруга может приходить. Но если она сунет свой рыжий нос в мои документы в кабинете, вылетит отсюда вместе с твоими чертежами. Поняла меня, Альба?

Я повернула к нему голову, встречая его давящий взгляд. Нас снова разделяли считанные сантиметры, и воспоминание о вчерашнем поте на его торсе и жестких пальцах на моих запястьях пустило по спине мелкую дрожь.

– Она не сунет, Матео, – тихо ответила я, глядя прямо в его серые глаза. – Она, в отличие от тебя, знает, что такое личные границы.

Глава 10

Милания ушла ближе к полудню, шумно поцеловав меня в обе щеки и пообещав вытащить меня из этого «бетонного бункера» при первой же возможности. Алекс вызвался проводить её до машины – исключительно ради того, чтобы отпустить вслед ещё парочку колких комплиментов и получить в ответ очередную порцию чистейшего флорентийского сарказма.

Когда за ней закрылась дверь, пентхаус снова погрузился в свою привычную, давящую тишину. Солнце за окном разгорелось на полную мощность, заливая Рим жидким золотом. Мне казалось, что если я проведу здесь в четырех стенах еще хотя бы час, изучая чертежи и ловя на себе тяжелые взгляды Матео, у меня просто закончится воздух.

Я переоделась в легкое белое платье, подхватила сумку и направилась к выходу. Моей единственной целью было дойти до ближайшего кафе на площади, сесть за уличный столик и просто посмотреть на обычных, нормальных людей, которые не делят портовые квоты и не спят со стволами под подушкой.

– Далеко собралась? – донесся из глубины гостиной низкий голос.

Матео сидел в кресле у стеклянной стены, просматривая какие-то распечатки. Он даже не поднял головы, но его внутренний радар сработал безупречно.

– Прогуляться, Торре. Нам с моим плохим характером нужно немного свежего воздуха, – сухо бросила я, уже берясь за дверную ручку.

– Одна ты никуда не пойдешь, – Матео отложил листы на журнальный столик и медленно поднялся, его массивная фигура тут же перекрыла свет. – Санто и Марко уже ждут на подземной парковке. Поедешь на бронированном минивэне.

Я замерла, и пальцы, сжимавшие ручку двери, побелели. Внутри поднялась глухая, удушливая волна протеста.

– Матео, я иду в кафе в двух кварталах отсюда! Мне не нужны два двухметровых амбала со скрытым ношением оружия, чтобы выпить чашку капучино!

– Мне плевать, куда ты идешь, Альба, – он подошел ближе, останавливаясь в паре шагов от меня, его серые глаза были холодными и непроницаемыми, как балтийский лед. – После вчерашнего совета кланов каждый ублюдок знает, что ты моя слабость. Точнее, они думают, что ты моя слабость. Если тебя перехватят на улице ради шантажа, я потеряю порты. Так что ты сядешь в машину с охраной. Это не обсуждается.

– Я ненавижу тебя, – тихо, с леденящей яростью выдохнула я, глядя прямо в его жесткое лицо.

На его губах на секунду мелькнула уже знакомая, кривая ухмылка уличного бойца.

– Взаимно, принцесса. Но охрана едет с тобой.

Спустя пятнадцать минут я сидела на заднем сиденье тонированного автомобиля, судорожно сжав пальцы на коленях. За рулем молча сидел Сантьяго – огромный, квадратный сицилиец, который каждые три секунды проверял боковые зеркала. На пассажирском сиденье впереди застыл второй, чья рука постоянно лежала чуть ниже борта куртки, ближе к кобуре.

Они не были людьми. Они были конвоем. Моей персональной, передвижной тюрьмой.

Я откинулась на сиденье и прижалась лбом к холодному стеклу, глядя на проплывающие мимо древние фасады Рима. В горле встал горький, знакомый с самого детства ком.

Ничего не изменилось.

Вся моя жизнь была именно такой. Люди думали, что родиться в семье Лоренцо Риччи – это значит вытащить золотой билет. Они видели дорогие частные школы во Флоренции, закрытые виллы, лучшие курорты и шелковые простыни. Но никто не видел обратной стороны.

Я вспомнила свой десятый день рождения. Мне так хотелось просто покататься на велосипеде в городском парке с обычными детьми. Я умоляла отца отпустить меня. В итоге я

поехала. Но позади меня, на расстоянии пяти метров, медленно катился черный седан с тремя вооруженными охранниками, а другие двое шли по бокам от велосипедной дорожки, распугивая прохожих. Дети разбежались от меня, как от чумной. Я была прокаженной в золотой короне.

Вспоминался выпускной в миланском университете. Пока мои сокурсники пили дешевое вино на ступенях площади и целовались под дождем, празднуя свободу, меня ждал бронированный лимузин и четкий приказ начальника охраны отца: «Синьорина Альба, не задерживайтесь на открытом пространстве, у нас оперативная информация о перемещениях калабрийцев».

У меня никогда не было права на импульсивный поступок. На глупость и на то, чтобы просто потеряться в незнакомом городе. Мой отец Лоренцо Риччи построил вокруг меня идеальную, пуленепробиваемую клетку. Он говорил, что любит меня. Но эта любовь душила.

И вот теперь, когда его не стало, он умудрился передать ключи от этой клетки другому человеку. Еще более жесткому, грубому и бескомпромиссному. Матео Торре принял эстафету с пугающей легкостью. Для него я тоже была не человеком, а драгоценным грузом, чертовым пакетом акций, который нужно беречь от чужих рук.

– Синьорина Риччи, мы приехали, – глухой голос Сантьяго вырвал меня из воспоминаний.

Минивэн плавно затормозил у небольшого кафе. Марко мгновенно вышел первым, оглядел улицу, придерживая дверь, и только после этого сделал мне знак, что можно выходить.

Я ступила на римский асфальт, чувствуя, как солнце припекает плечи, но внутри у меня было холодно. Охрана встала в нескольких метрах от моего столика, делая вид, что изучают меню на витрине.

Я заказала эспresso, но даже не прикоснулась к нему. Набрав дрожащими пальцами сообщение, я отправила его единственному человеку, который сейчас имел надо мной власть.

«Ты победил, Торре. Охрана на месте. Надеюсь, твои квоты в безопасности. Но помни: клетка, какую бы броню ты на нее ни вешал, все равно остается клеткой. И однажды я найду способ сломать замок».

Ответ пришел через минуту. Короткий и емкий, в его стиле: «Пей кофе, Альба. И не ищи замки там, где стены сделаны из монолита».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.